

**«ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»
И «СЕМЬЯ ПАСКУАЛЯ ДУАРТЕ»:
ОТЗВУКИ ПОДПОЛЬЯ В ТРЕМЕНДИСТСКОМ РОМАНЕ**

М.В. Герасименко

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; gerasimenkom44@gmail.com

Аннотация: Предметом исследования является ряд «подпольных» мотивов, ранее описывавшихся учеными в исследованиях повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» и ее рецепции в XX веке и присутствующих также в романе К.Х. Селы «Семья Паскуаля Дуарте». Для романа Селы характерна большая нарративная сложность, выражен прием «ненадежного рассказчика». Паскуаль не говорит об историческом контексте своих преступлений, но из чужих комментариев к его запискам следует, что он действовал во время гражданской войны. При этом он не спорит с оппонентами прямо, и игра точек зрения представляет его не лгущим, но отрезанным от правды, а его чрезмерную рефлексивность — попыткой изолировать свое «я» от внешней реальности: с виду предаваясь самоанализу, он лишь произвольно назначает причины своих поступков. Расшатывание оппозиции «правды» и «лжи», отступление от общедоступных понятий — фундамент внутренней антиномии романа, которая находит отклик в риторике критики, преумножается ею, становясь почвой для диаметрально противоположных прочтений романа и для противоречивых определений тремендизма, которому он дал начало. Антиномия определений тремендизма надолго делает его предметом споров, запечатлевает его как явление, общедоступному определению противящееся, отрицаемое и отрицающее, антиномичное открытой борьбе (*подпольное*).

Ключевые слова: тремендизм; К.Х. Села; Достоевский в Испании; подполье

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-3-11

Для цитирования: Герасименко М.В. «Записки из подполья» и «Семья Паскуаля Дуарте»: отзвуки подполья в тремендистском романе // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 3. С. 134–141.

**THE FAMILY OF PASCUAL DUARTE AND NOTES FROM
UNDERGROUND: ECHOES OF UNDERGROUND
IN THE TREMENDIST NOVEL**

M. V. Gerasimenko

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; gerasimenkom44@gmail.com*

Abstract: The article explores some parallels between the C.J. Cela's first tremendist novel *The family of Pascual Duarte* and F.M. Dostoevsky's *Notes from Underground*. It shows a number of motifs of Dostoevsky's 'underground' described in previous articles devoted to *Notes from the Underground* and its appropriation in the twentieth century, and also presented in *The Family of Pascual Duarte*. Special attention is paid to the convergences between the narrative of *Notes from the Underground* and one of *The Family of Pascual Duarte*. It is concluded that narrative complexity and some aspects of unreliable narrator are important characteristics of Cela's novel. Pascual says nothing about social context of his crimes, but from the 'editorial' texts, which conclude his memoirs, it is clear that he acts during the civil war. Nevertheless the main character does not engage in direct confrontation with his opponents, and points of view shift portrays him as not lying, but isolated from the truth. His excessive self-reflexion is associated with his tryings to isolate his 'self' from any external reality. Driving into himself, he just excogitates some reasons for his feelings and actions. Such destruction of binary truth-false opposition and deviation from the basic concepts are the foundation for internal antinomy of Cela's utterance. Such novelist's rhetoric determines the rhetoric of criticism dedicated to the novel, and the rhetoric of literary critics becomes a fertile ground for diametrically opposed understandings of the novel and definitions of the tremendism. Diametrically opposed definitions of tremendism capture it as a self-contradictory, negating and denying *underground* phenomenon.

Keywords: tremendism; Cela C.J.; Dostoevsky in Spain; underground

For citation: Gerasimenko M. (2023) *The Family of Pascual Duarte* and *Notes from the Underground*: Echoes of Underground in the Tremendist Novel. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 134–141.

В Испании 1940-е гг. — период становления франкистской диктатуры и цензуры, разрыва с культурной традицией. После публикации романа «Семья Паскуаля Дуарте» (1942) за будущим Нобелевским лауреатом (1989), К.Х. Селой, закрепилась слава новатора [Martinez Cachero 2004: 322]: считается, что, обратившись к достижениям реализма прошлого века и жанровой форме пикарески, он воскресил национальную литературу [Fernández 2010: 94]. «Семья...» стала также первым произведением тремендизма (от исп. *tremendo* — ужасный, потрясающий), течения в испанской литературе 40–50-х гг.; герои тремендистских романов одержимы преступными страстями, погружены в воспоминания о сломавших их жизни событиях, в изображениях которых нередки аллюзии на катастрофы гражданской войны и диктатуры.

Сходства «Семьи...» с пикареской известны, другие — менее изучены. Говорили о влиянии Достоевского на Селу [Soltelo 1997: 80]: его герои «заражены русским фатализмом» [Puértolas 2008: 753], история Паскуаля «[подобна] судьбам героев великого русского романа» [Marañón 1966: 696]. Села ссылаясь на Достоевского в суж-

дениях об эстетике [Cela 1956: 8], называл его «отцом современного романа», «глубочайшим психологом всех времен» [Soltelo 1997: 74, 80], говоря о своих юношеских чтениях, упоминал его романы в одном ряду с «Ласарильо...» [Cela 1959: 154–155] («перелицовку» которого опубликует годом позже «Семьи...»), и неудивительно: становление авторов, начавших писать в послевоенные годы, происходило на фоне вспышки интереса к Достоевскому из-за появления прямых его переводов на испанский [Арсентьева 2013: 310]. К созданию романа Села приступил в 1941 г., но замысел мог начать формироваться в конце 30-х. Сюжетно-мотивные и контекстуальные сходства дают основание говорить о «подпольных мотивах» в «Семье...» и если не о заимствовании или прямом влиянии, то о любопытном сходении (которое может корениться и в интересе Селы к Достоевскому, и в сходстве с пикаро «подпольных» героев Достоевского, интересовавшегося испанским барокко [Алоэ 1998: 78]).

Прямых свидетельств того, что к 1942 году Села прочел «Записки...», нами не обнаружено. Предположим, он читал опубликованный накануне перевод Р. Кансиноса Ассенса (1935) [Dostoevski 1953: 1469–1537] — первый прямой перевод на испанский [Харитоновва 2021: 191]; переводы Ассенса известны как неточные [Оболенская 2013: 231–235], но фрагменты, приводимые ниже, не упущены; близки к оригиналу и цитаты «Семьи...» в переводе Э. Люберацкой.

Идейно-смысловые средоточия романов — исповедальные ситуации; герои изъявляют готовность погружаться в свои переживания: «...совесть нас терзает, но неважно, *тем лучше, пусть терзает*» [Села 1980: 104]; «...не лечусь <...> со злости. Печенка болит, так вот *пускай же ее еще крепче болит!*» [Достоевский 1973: 99]. Но с первых строк Подпольный себя обличает, а Паскуаль — будто бы обеляет: «*Я злой человек*» [Достоевский 1973: 99]; «Я, сеньор, *не злой человек*, хотя озлобиться причины у меня были» [Села 1980: 28]. «Семья...» обладает большей нарративной сложностью. В примечании-паратексте переписчик рукописи, где Паскуаль рассказал о своих преступлениях, рассуждает, что тот мог быть на свободе, когда началась гражданская война [Села 1980: 109]. Композиционно-смысловая переключка упоминаний социально обусловленного, по-видимому, убийства графа в начале исповеди (ему Паскуаль посвятил записки и более его не упоминал) и убийства матери в финале (как ключевого события) побуждает заключить, что история злодеяний Паскуаля — завуалированный рассказ о бесчинствах войны; в таком случае, ища мотивы своих поступков в личных обстоятельствах, он подметил проявления своей ненависти, но «забыл» о ее причинах, воплотив завет Подпольного: истинная причина умалчивается, «резоны испаряются, <...> обида становится <...> фатумом».

Интерес к границе «реальности» и «сна» присущ Достоевскому, сближая его с Кальдероном [Алоэ 1998: 99]. Исповедь Паскуаля выглядит «подтасовкой» «подпольного» героя, пытающегося «увлечься своим чувством слепо <...> без первоначальной причины» и «дойти путем <...> комбинаций до <...> заключений <...> о том, что даже и в каменной-то стене <...> виноват, хотя <...> очевидно <...> не виноват» [Достоевский 1978: 106–109]. Подпольный еще не признает смешанный характер своих побуждений (поэтому тщится представить их менее предосудительными), хотя стоит на пороге преодоления морали, выводящей оценку поступка из его намерения; как и в «Записках...» [Эбаноидзе 2021: 218–221], в «Семье...» есть элемент ницшеанской насмешки над выражением «познай самого себя»: углубляясь в себя, герой изолирует «себя» от внешних предпосылок, но отрицание их — это отрицание и границ личного сознания, а значит — ответственности. Проблемное ядро «Семьи...» концентрируется вокруг вопроса о личной ответственности и свободе, их основаниях и границах. Но роль «лжеца» на уровне повествования атрибутирована сказавшему «правду» переписчику (представившему читателю рукопись, зная о ее «ложности»); «ложь» же Паскуаля не идентифицируется как сокрытие «истины»: ее он сам будто не знает, причины поступков назначая произвольно. Порывы «сказать все» и «солгать, умолчав», самопознание и самообман — сплетены воедино. Догадки Паскуаля о сгубивших его обстоятельствах важны не только как приметы пикарески [Lance 1969: 100–101] и ложной исповеди [Garrido Ardila 2014: 254–267], но и как симптом одержимости поиском причины.

Посягая узнать причину своей ненависти, герои объявляют войну «невозможности»: «... несмотря на <...> подтасовки, чем больше вам неизвестно, тем больше болит!» [Достоевский 1978: 106]. В «Семье...» причина изолирована одновременно и от воли героя, и из внешнего контекста: такова печать столкновения неравных понятий ее в измерениях героя и рассказчика. Для героя она — роковая *случайность*, намекающая на возможность иной судьбы. Трагическая ошибка Паскуаля-рассказчика в том, что, пытаясь эту возможность утвердить, он надевает маску бессильного против рока героя, которая уже его заданности как автора, но совпадает с заданностью как приговоренного.

На описания преступлений героя, совершаемых «по воле рока», падает тень «вины» рассказчика, «повторяющего» свой путь сознательно как трагическое самоутверждение: «хочется облегчить <...> совесть <...> исповедью <...> но в этой жизни прощения не прошу. Зачем? <...> со мной сделают что намечено, не то <...> примусь за старое. Не хочу просить о помиловании <...> Пусть свершится, что

написано в небесной книге» [Села 1980: 26], — подчеркивая свое согласие с приговором, Паскуаль свободную волю доказывает через отказ от свободы: приговор не обрекает на сопротивление, он — «подполье», где можно осмелиться на преступление, не маскируя порывы в угоду «общему понятию» [Дорофеев 2006: 8].

Записки Паскуаля попадут в руки тюремного капеллана и рядового жандармерии [Села 1980: 110–112]; в национал-католической Испании это «дилетанты, слепо верующие в идеи своего времени», подобно «господам» позитивистам и социалистам, которым оппонировал Подпольный: слово, адресованное «другому», призванному нравственно отрефлексировать его, обрело слушателей в тех, чья реакция — ложно нравственная; это выдает интенцию к ограничению права другого на нравственную реакцию [Честнова 2012: 47–48, 52, 70]. Но Паскуаль, в отличие от Подпольного, не упоминает «господ»; Хоакин (друг убитого им графа Хесуса), кому Паскуаль завещал записки, якобы забыв другие адреса, оставляет на их счет пространное завещание [Села 1980: 25–27]. Причина неопределенности адресата записок могла бы казаться неспособностью Паскуаля (как и Подпольного [Честнова 2012: 80]) осмыслить исповедь как адресованную Богу; но едва ли не воззванием к нему завершается записка к Хоакину («... в мольбе о прощении, <...> к вам, как к <...> Хесусу» [Села 1980: 26]), — и оно, вписанное в ряд сомнительных обращений, звучит с внушающей сомнение очевидностью, как часть апофатического указания адресата.

«Не поверите <...> И все-таки <...> пишу — может, <...> поверите тому, в чем не клянусь <...> вечным спасением, поскольку невелика была б цена этой клятве» [Села 1980: 51], — для Паскуаля, в обреченности обретшего свободу, исповедь — покаяние без жажды прощения. Сомнения, поверят ли ему, преодолеваются («А не хотите меня удостоить вашим вниманием, так и кланяться не буду. У меня есть подполье» [Достоевский 1978: 120]). Слово Паскуаля обрело силу в преодолении своей первичной направленности: клятва, которую он мог принести, недостойна истины, которую он пытался высказать. Истина, меркнувшая от ложной клятвы, недоказуема, не общезначима, не существует вне клятвы и напряженного обращения — пусть не к «другому», а к себе.

Отказ от оппозиции «правды» и «лжи» — основа антиномии романа, отразившейся и в риторике критики. Г. Мараньон, пользовавшийся лояльностью властей друг Селы, вероятно, по его просьбе «легитимизировать» «Семью...» в глазах цензуры [De Lima Gresco 2019: 129] написал пролог в форме диалога порицающего и оправдывающего Паскуаля читателей [Marañón 1966: 695–700].

За «натуралистичность» тремендизм то порицали, то превозносили, в его внимании к «изнанке» жизни видя бунт против витийств сладкоголосых прорежимных авторов и адептов «дегуманизованного» искусства, равнодушного к проблемам простых испанцев. Спорили о (не)правомерности соотношений тремендизма с экзистенциализмом, подцензурным в национал-католической Испании; небезосновательно избегая однозначных выводов, И.А. Тертерян, первой из русскоязычных исследователей подробно сказавшая о тремендизме, пронизательно отметила, что в «Семье...» видна «схема доказательства философского тезиса», но «за экзистенциалистскими построениями» стоит «логика реальной действительности» [Тертерян 1988: 215–217].

Тремедизм стабильно противопоставлялся «каноничным» течениям, обретая славу явления отрицаемого и отрицающего. Элемент интроецированного, диалогичного внутренне, антиномичного открытой борьбе — «подпольного» [Димитриева 2021: 278–281] сопротивления присущ и высказываниям самих авторов, свои работы называвших тремедистскими в порядке указания на условность такого определения.

Сопоставление «Семьи...» с «Записками...» (где герой самоутверждения достигает через самоотрицание, к искренности приближается посредством «самообмана») и анализ «подпольных» элементов в первом романе тремедизма вносят вклад в разговор о возможных вариантах его прочтения и основаниях его поэтики, об особенностях его рецепции и о становлении и бытовании тремедизма как явления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алоэ С. Достоевский и испанское барокко // Достоевский и мировая культура. СПб., 1998. С. 76–95.
2. Арсентьева Н., Морильяс Ж. Испанское достоевковедение: истоки, итоги и перспективы // Достоевский. Материалы и исследования / Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом). СПб., 2013. С. 305–328.
3. Димитриева Л.А. Le souterrain, le sous-sol, la clandestinité: обличья подполья в XX веке // «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в культуре Европы и Америки / Отв. ред. Е.Д. Гальцова. М., 2021. С. 277–283.
4. Дорофеев Д.Ю. Саморастраги одной гетерогенной суверенности // Предельный Батай. Сборник статей. СПб., 2006. С. 3–38.
5. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 5. Л., 1973. С. 99–179.
6. Оболенская Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М., 2013.
7. Тертерян И.А. Человек мифотворящий. М., 1988.
8. Села К.Х. Семья Паскуаля Дуарте / пер. с исп. Люберацкой Э.М., 1980. С. 23–112.

9. Харитоновна Н.Ю. Рецепция «Записок из подполья» в каталонском культурном пространстве // Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в культуре Европы и Америки / Отв. ред. Е.Д. Гальцова. М., 2021. С. 183–195.
10. Честнова Н.Ю. Исповедальность как принцип становления поэтики художественной прозы Ф.М. Достоевского: на материале повести «Записки из подполья» и романа «Подросток»: дисс. ... канд. филол. наук / Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Владимир, 2012.
11. Эбаноидзе И.А. «Записки из подполья» в рецепции Ф. Ницше // «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в культуре Европы и Америки / Отв. ред. Е.Д. Гальцова. М., 2021. С. 211–233.
12. Baroja P. El desdoblamiento psicológico de Dostoievski // Obras completas, T V. Biblioteca nueva, Madrid, 1948, pp. 1066–1071.
13. Cela C.J. En vez de prologo // Mis páginas preferidas. Madrid, 1956.
14. Cela C.J. La familia de Pascual Duarte // Obra completa, T. 1. Barcelona, 1962, pp. 39–201.
15. Cela C.J. La rosa // La cucaña. Barcelona, 1959.
16. Cela C.J. Memorias, entendimientos y voluntades. Madrid, 2001.
17. De Lima Grecco G. Más allá de la pluma censora: las zonas grises en torno a la censura literaria durante el Primer Franquismo. *Estudios Ibero-Americanos*. 2019, № 45 (2), pp. 121–133.
18. Dostoievski F.M. Memorias del subsuelo // Obras completas / Trad. directa del ruso, introd., prologos, notas y censo de personajes por R. Cansinos Assens. T. 1: 1844–1865. Madrid, 1953, pp. 1469–1537.
19. Fernández H.G. La sociedad española en su literatura. Selección y análisis de textos de los siglos XVIII, XIX y XX. Vol. 2: siglo XX. Madrid, 2010.
20. Garrido Ardila J.A. Perspectivismo Narrativo y Enjuiciamiento Social en La familia de Pascual Duarte. Madrid, 2014. № 61 (4), pp. 254–267.
21. Lance B.R.G. La actitud picaresca en la novela española del siglo XX. Mexico, 1969.
22. Marañón G. Sobre La familia de Pascual Duarte // Obras completas / Recapitulación de textos y notas por Pedro Laín Entralgo. T. 1. Madrid, 1966, pp. 695–700.
23. Martínez Cachero J.M. La novela. Los años cuarenta / ed. por F. Rico, D. Yndurain. Historia y crítica de la literatura española. Epoca contemporánea, 1939–1980 / Barcelona, 2004, pp. 321–331.
24. Soltelo A. Camilo José Cela, la forja de la novela: entre Baroja y Ortega. *El extramundi y los papeles de Iria Flavia*, T. MCMXCVII. Iria Flavia, 1997, pp. 71–117.

REFERENCES

1. Aloe S. Dostoyevskiy i ispanskoye barokko / Dostoyevskiy i mirovaya kul'tura [Dostoevsky and Spanish Baroque / Dostoevsky and World Culture]. Saint Petersburg: *Serebryanyy vek Publ.*, 1998. P. 76–95. (In Russ.)
2. Arsent'eva N., Moril'jas Zh. Ispanskoe dostoevskovedenie: istoki, itogi i perspektivy [Spanish Dostoevsky Studies: Origins, Results and Perspectives]. Dostoevskij. Materialy i issledovaniya / Rossijskaja akademija nauk, Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom). St. Petersburg, *Nestor-Istoriya Publ.*, 2013, pp. 305–328. (In Russ.)
3. Dimitrieva L.A. Le souterrain, le sous-sol, la clandestinité: oblich'ja podpol'ja v XX veke [Le souterrain, le sous-sol, la clandestinité: Guises of the Underground in the 20th Century]. «Zapiski iz podpol'ja» F.M. Dostoevskogo v kul'ture Evropy i Ameriki [F.M. Dostoevsky's Notes from the underground in the culture of Europe and America]. Отв. ред. Е.Д. Гальцова. Moscow, *In-t mirovoj literatury im. A.M. Gor'kogo Rossijskoj akademii nauk Publ.*, 2021, pp. 277–283. (In Russ.)

4. Dorofeev D.Ju. Samorastraty odnoj geterogennoj suverennosti [Self-waste of the one heterogeneous sovereignty]. *Predel'nyj Bataj. Sbornik statej*. St. Petersburg. *Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2006, pp. 3–38. (In Russ.)
5. Dostoevskij F.M. Zapiski iz podpol'ja [Notes from the Underground]. *Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomah* [The complete works in thirty volumes]. Vol. 5. Leningrad, *Nauka Publ.* 1973, pp. 99–179. (In Russ.)
6. Cela C.J. Sem'ja Paskualja Duarte [The Family of Pascual Duarte] / per. s isp. Ljubecrackoj Je. Moscow, *Progress Publ.*, 1980, pp. 23–112. (In Russ.)
7. Haritonova N.Ju. Recepcija «Zapisok iz podpol'ja» v katalonskom kul'turnom prostanstve [The reception of Dostoevsky's Notes from the Underground within the Catalan Culture]. «Zapiski iz podpol'ja» F.M. Dostoevskogo v kul'ture Evropy I Ameriki [F.M. Dostoevsky's Notes from the underground in the culture of Europe and America] / Otv. red. E.D. Gal'cova. Moscow, *In-t mirovoj literatury im. A.M. Gor'kogo Rossijskoj akademii nauk Publ.*, 2021, pp. 183–195. (In Russ.)
8. Chestnova N.Ju. *Ispovedal'nost' kak princip stanovlenija poetiki hudozhestvennoj prozy F.M. Dostoevskogo: na material povesti «Zapiski iz podpol'ja» i romana «Podrostok»: dis. ... kand. filol. Sciences* [Confessionality as a principle of the poetic's formation in the prose of F.M. Dostoevsky: analysis based on the “Notes from the Underground” and “Teenager”]. Vladimir, *Nizhegor. gos. un-t im. N.I. Lobachevskogo*, 2012. (In Russ.)
9. Jebanoidze I.A. «Zapiski iz podpol'ja» v recepcii F. Nicshe [Notes from Underground in F. Nietzsche's Reception]. «Zapiski iz podpol'ja» F.M. Dostoevskogo v kul'ture Evropy i Ameriki [F.M. Dostoevsky's Notes from the underground in the culture of Europe and America] / Otv. red. E.D. Gal'cova. Moscow, *In-t mirovoj literatury im. A.M. Gor'kogo Rossijskoj akademii nauk*, 2021, pp. 211–233. (In Russ.)
10. Obolenskaya Yu.L. *Khudozhestvennyj perevod i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Literary translation and intercultural communication]. Moscow: *Librokom Publ.*, 2013. (In Russ.)
11. Terteryan I.A. *Chelovek mifotvoryashchij* [Myth-Making Man]. Moscow: *Sovetskij pisatel' Publ.*, 1988. (In Russ.)

Поступила в редакцию 01.09.2022

Принята к публикации 20.12.2022

Отредактирована 05.02.2023

Received 01.09.2022

Accepted 20.12.2022

Revised 05.02.2023

ОБ АВТОРЕ

Мария Владимировна Герасименко — аспирант, младший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; gerasimenkom44@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Maria Gerasimenko — Ph. D. Student, Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; gerasimenkom44@gmail.com